

Робингуды и не очень

Действия федерального правительства и федеральных корпораций по отношению к регионам разнонаправленны

Владимир Попов (Профессор Высшей школы международного бизнеса Академии народного хозяйства, доктор экономических наук)

В какой мере различная экономическая динамика в регионах объясняется неодинаковыми исходными условиями накануне реформ, а в какой - складывается под воздействием экономической политики региональной администрации и более или менее благоприятных отношений региона с федеральным центром?

Сформулированные вопросы пока что не получили однозначного ответа в многочисленных исследованиях по российским регионам. Эти исследования не только ставят новые вопросы, но зачастую по-разному интерпретируются приверженцами разных школ исследователей, изучающих переходные экономики. Так, сторонники шокотерапии приводят в пример Нижегородскую область - явно прореформаторский регион, в котором, вместе с тем, падение производства в 90-е годы было менее значительным, чем в среднем по России, несмотря на относительную бедность ресурсной базы.

Градуалисты в ответ ссылаются на пример соседней с Нижегородской Ульяновской области, где наследие плановой системы в виде неэффективной промышленной структуры было не менее тяжелым, чем в Нижнем. Здесь долгое время практиковался контроль над ценами, сохранялись субсидии производителям, приватизация проводилась медленно. Тем не менее и падение промышленного производства, и падение реальных доходов в Ульяновской области было менее значительным, чем в Нижегородской.

Итак, простое деление регионов на реформаторские и консервативные не слишком помогает объяснить межрегиональные различия в масштабах падения выпуска и реальных доходов, в уровнях безработицы, преступности, смертности и других социальных показателях. Реальная картина российской экономической динамики в региональном разрезе много сложнее.

Во-первых, нет твердых доказательств того, что экономические реформы способствовали меньшему падению объема производства и инвестиций. После учета таких факторов, как исходные условия трансформации (ресурсные преимущества) и институциональный потенциал региональных администраций (инвестиционный риск и предпринимательский климат, благоприятствующий созданию новых предприятий, способность сдерживать рост теневой экономики), оказывается, что показатели экономической либерализации статистически незначимы для объяснения динамики валового регионального продукта и промышленного производства.

Во-вторых, бюджетные перечисления между центром и субъектами федерации перераспределяют доходы в пользу более бедных регионов и регионов с более глубоким сокращением выпуска и реальных доходов в 90-е годы (в основном это одни и те же регионы). Масштабы этого перераспределения недостаточны, чтобы полностью сравнять уровни доходов в регионах, однако, по крайней мере, система бюджетного федерализма в России, несмотря на кажущуюся хаотичность и подверженность лоббистскому давлению, имела выраженную "робингудовскую"

ориентацию, перераспределяя доходы от богатых к бедным.

В-третьих, экономическая либерализация, хоть и не имела ощутимого влияния на динамику производства, оказала существенное воздействие на динамику реальных доходов. После учета межбюджетных финансовых потоков (от богатых к бедным) оказывается, что реформистские регионы (а также регионы с низким инвестиционным риском, лучшим предпринимательским климатом, низкой преступностью, но высокой долей нелегальных доходов и либерально-настроенным электоратом) смогли выкачивать доходы из других регионов, где реформы шли медленнее. Этот во многом неожиданный и по сути "антиробингудовский" эффект реформ возник, видимо, из-за перераспределения бизнес-доходов (процентов, дивидендов, других выплат из прибыли) из "нелиберальных" и в основном бедных регионов в либерально-безопасные "доходные гавани", в которых сосредотачивались штаб-квартиры банков, торговых и сырьевых компаний. Москва, конечно, наиболее характерный пример: здесь отношение доходов к ВРП составляло 130% в 1996 году - в два раза больше, чем в среднем по стране! - а реальные доходы в 1996 году превысили уровень 1990 года (в то время как в среднем по стране они упали более чем вдвое), несмотря на то, что ВРП составил только 70% от уровня 1990 года, а промышленное производство - только 36%.

Помимо Москвы, еще в нескольких регионах отношение "доходы/ВРП" в 1990-1996 годах увеличилось заметно больше, чем в среднем по России (в 1,2 раза): это республика Коми, Санкт-Петербург, Псковская, Новгородская, Тверская, Тюменская области, Кабардино-Балкария. Если Псковская, Новгородская, Тверская области и Кабардино-Балкария, являющиеся чистыми получателями финансовых ресурсов в рамках бюджетных отношений центр - регионы, смогли увеличить отношение доходов к ВВП именно из-за финансовой поддержки центра, то Петербург, Коми и Тюменская область, как и Москва, находящиеся в положении чистых доноров в межбюджетных отношениях, смогли поддержать реальные доходы при падающем производстве именно благодаря перекачке деловых доходов из других регионов, с лихвой перекрывшей "убытки" от межбюджетных перечислений в центр.

